

Зима

Автор:

Али Смит

Зима

Али Смит

Суровая зима.

Мир съезживается, все оголяется, то, что было ранее не-видимым, становится видимым. То, что скрывалось, вспыхивает огнем.

Али Смит воссоздает стремительно меняющийся мир, где корни бытия: смех, любовь, искусство – не всегда от-крыты нашему глазу. В эпоху постправды не только про-шлое, но и будущее кажутся не тем, чем есть.

Зима – это сезон, который учит нас выживанию.

Али Смит

Зима

Ali Smith

WINTER

Copyright © 2017, Ali Smith

© В. Нугатов, перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Саре Дэниэл в логове льва с любовью

и Саре Вуд ти? i' denn[1 - Разве я должен (нем.). Цитата из песни Э. Пресли
«Деревянное сердце» из кинофильма «Солдатский блюз» (1960). – Здесь и далее
прим. перев.]с любовью

Для тебя не страшен зной,

Вьюги зимние и снег.

Уильям Шекспир[2 - «Цимбелин». Пер. Н. Мелковой.]

Пейзаж управляет собственными образами.

Барбара Хепуорт[3 - Барбара Хепуорт (1903–1975) – английский скульптор-
абстракционист.]

Но если вы считаете себя гражданином мира, то вы гражданин неизвестно чего.

Тереза Мэй,

5 октября 2016

Мы вступили в царство мифологии.

Мюриэл Спарк[4 - Мюриэл Сара Спарк (1918–2006) – шотландская
писательница, поэтесса и эссеист.]

Темнота дешева.

Бог умер – начнем с этого.

И романтика умерла. Рыцарство умерло. Поэзия, роман, живопись – все умерли, и искусство умерло. И театр и кино умерли. Литература умерла. Книга умерла. Модернизм, постмодернизм, реализм и сюрреализм – все умерли. Джаз умер, поп-музыка, диско, рэп, классическая музыка – умерли. Культура умерла. Порядочность, общество, семейные ценности умерли. Прошрое умерло. История умерла. Социальное государство умерло. Политика умерла. Демократия умерла. Коммунизм, фашизм, неолиберализм, капитализм – все умерли, и марксизм умер, феминизм тоже умер. Политкорректность – умерла. Расизм умер. Религия умерла. Философия умерла. Надежда умерла. И правда и вымысел умерли. СМИ умерли. Интернет умер. Твиттер, инстаграм, фейсбук, гугл – умерли.

Любовь умерла.

Смерть умерла.

Очень много всего умерло.

Впрочем, кое-что не умерло или пока еще не умерло.

Жизнь еще не умерла. Революция не умерла. Расовое равенство не умерло. Ненависть не умерла.

А компьютер? Умер. Телевидение? Умерло. Радио? Умерло. Мобильники умерли. Батареи умерли. Браки умерли, сексуальная жизнь умерла, общение умерло. Листья умерли. Цветы умерли – прямо в воде.

Представьте, что к вам являются призраки всех этих мертвых вещей. Представьте, что к вам является призрак цветка. Нет, представьте, что к вам является (если бы он являлся и это не было просто неврозом или психозом) призрак (если бы существовали призраки и это не было просто плодом воображения) цветка.

Призраки-то не умерли, вовсе нет.

Наоборот, возникли следующие вопросы:

мертвы ли призраки?

призраки мертвы или живы?

смертоносны ли призраки?

но, как бы то ни было, забудьте о призраках, выбросьте их из головы, потому что это не история о привидениях, хотя она и случилась в глухую зимнюю пору, ясным солнечным постмиллениальным глобально-потепленческим утром сочельника (сочельник тоже, кстати, умер), и повествует она о реальных событиях, реально происходящих в реальном мире, с участием реальных людей в реальном времени на реальной Земле (угу, Земля тоже умерла):

– Доброе утро, – сказала София Кливз. – Счастливого сочельника.

Обращалась она к бесплотной голове.

То была голова ребенка, просто голова без тела, парившая в воздухе.

Голова оказалась цепкой. Она была у нее дома уже четвертый день. Сегодня утром София открыла глаза и снова увидела ее: теперь она парила над раковиной и смотрелась в зеркало. Как только София обратилась к голове, та повернулась и, увидев ее... разве можно сказать, что кто-то без шеи и плеч поклонился? Голова однозначно поднырнула, как бы наклонилась вперед, почтительно опутив взгляд, а затем снова учтиво и бодро выпрямилась – поклон или реверанс? Голова была мужская или женская? Как бы то ни было, она была

очень хорошо воспитанной, вежливой головой хорошего вежливого ребенка (возможно, еще не говорящего, потому что он был довольно молчалив), величиной с дыню (это забавно или обидно, когда тебе комфортнее с дынями, а не с детьми? Ей повезло: в детстве Артур быстро смекнул, что ей нравилось, когда дети стремились скорее повзрослеть), хотя и совсем не похожей на дыню, если учесть, что у нее было лицо и густая копна волос на несколько сантиметров длиннее самой головы – всклокоченных, пышных, темных, волнисто-прямых и довольно романтических, словно у мини-кавалера, если это был ребенок мужского пола, или, если женского, что-то наподобие девочки, украшенной листьями в парижском парке и повернутой спиной к камере на старой черно-белой открытке с фотографией, снятой французским фотографом двадцатого века Эдуаром Буба («Petite fille aux feuilles mortes, jardin du Luxembourg, Paris, 1946»)[5 - «Девочка в опавшей листве, Люксембургский сад, Париж, 1946 г.» (фр.). Эдуар Буба (1923–1999). См. А. Смит, «Осень».], и когда София проснулась сегодня утром и увидела голову, повернутую к ней затылком, ее волосы обманчиво приподнимались и опускались на волнах центрального отопления, но только с одного бока – прямо над радиатором. Сейчас они качнулись и на долю секунды рассыпались под свободное парение и балансирование головы, словно размытые волосы в замедленной съемке в рекламе шампуня. Видите? Реклама шампуня – никакой не призрак и не вурдалак. В ней нет ничего страшного.

(Если, конечно, реклама шампуня или, возможно, реклама вообще – это не жуткие образы живых мертвецов, к которым мы просто настолько привыкли, что они нас больше не шокируют.)

В любом случае голова была не страшная, а милая и застенчивая в своей церемонности: эти слова не ассоциируются с чем-то мертвым или с представлением о мародерствующем духе чего-то мертвого – да она вовсе и не казалась мертвой, хотя, возможно, и выглядела жутковато пониже того места, где когда-то была шея и, судя по слухам, вполне обоснованным, должно находиться нечто нутряное, дробящееся и мясистое.

Но всё подобное было надежно спрятано под волосами и подбородком, и в первую очередь поражало не это, а жизнь внутри головы, теплота ее поведения, и когда она покачивалась и весело кивала в воздухе рядом с Софией, словно зеленый буюк в спокойной воде, пока та умывалась и чистила зубы, или когда голова плавно скользила вниз по лестнице, опережая Софию, и маленькой планетой в собственной микровселенной извивалась между пыльными веточками коллекции мертвых орхидей на нижней площадке, то она излучала

больше доброты, чем любая голова Будды, которую встречала София, любое изображение головы Купидона или обалдевшего рождественского херувимчика.

На кухне София залила воду и засыпала кофе в эспрессо-машину. Прикрутила верхнюю часть эспрессо-машины и включила газ. Голова отшатнулась от внезапной волны жара. Ее глаза наполнились смехом. Словно в шутку, она бросалась к пламени и отскакивала обратно.

– Смотри, волосы загорятся, – сказала София.

Голова покачала головой. София рассмеялась. От удовольствия.

Интересно, она знает, что такое Рождество, раз уж ей известно о сочельнике?

Какой ребенок этого не знает?

Интересно, какие сейчас ходят поезда? Интересно, не хочется ли ей, чтобы я свозила ее в Лондон? Мы могли бы сходить в «Хэмлиз». Рождественская иллюминация.

Могли бы пойти в зоопарк. Интересно, она когда-нибудь была в зоопарке? Дети обожают зоопарки. Интересно, зоопарк еще не закрыли перед Рождеством? Или мы могли бы посмотреть, не знаю, на гвардейцев – они всегда на своем месте, даже на Рождество, в меховых киверах и красных мундирах. Это было бы бесподобно. Ну, или в Музей истории науки, где можно увидеть собственные кости сквозь кожу рук.

(Ах!

У головы не было никаких рук.)

Ну, я могла бы нажимать на кнопки вместо нее – на все эти интерактивные штуки, могла бы делать все это вместо нее, если она не может делать это сама. Или «Виктория и Альберт»[6 - Музей Виктории и Альберта в Лондоне – крупнейший в мире музей декоративно-прикладного искусства и дизайна, основанный в 1852 г.]. Такая красотища, что восхищает и стар и млад. Музей естествознания. Можно спрятать ее под пальто. Я возьму большую сумку.

Прорежу отверстия для глаз. Сверну и положу на дно сумки шарф, джемпер, что-нибудь мягкое.

Голова на подоконнике нюхала остатки чабреца из супермаркета. Она зажмуривалась – похоже, от удовольствия. Терлась лбом о крошечные листочки. Аромат чабреца наполнил кухню, и растение опрокинулось в раковину.

Пока оно там лежало, София открыла кран и полила его.

Потом она села за стол с чашкой кофе. Голова пристроилась рядом с вазой для фруктов – яблоками, лимонами. Стол стал похож на шуточный арт-объект, инсталляцию или полотно художника Магритта «Это не голова»; нет, на голову Дали или Де Кирико, но только смешную, на Дюшана, пририсовавшего усы Моне Лизе, даже настольный натюрморт Сезанна, который, с одной стороны, всегда тревожил Софию, а с другой – освежал, учитывая, как он демонстрирует, хоть в это и трудно поверить, что яблоки и апельсины могут быть голубыми и фиолетовыми, ведь ни за что нельзя поверить, что в них действительно есть эти цвета.

Недавно в одной газете она видела фотографию со стеной из людей, стоящей перед стеной в Лувре, на которой висит «Мона Лиза». Сама-то она видела настоящую «Мону Лизу», еще до того, как родила Артура, то есть тридцать лет назад, и даже тогда трудно было что-нибудь разглядеть из-за довольно большой толпы, стоявшей перед картиной и фотографировавшей ее. К тому же шедевр оказался поразительно маленьким – гораздо меньше, чем она ожидала от такого знаменитого шедевра. Возможно, из-за толпы перед ним он просто казался визуально меньше.

Но разница в том, что теперь люди, стоявшие перед ним, даже больше не поворачивались к нему. В основном они стояли спиной к картине, фотографируясь на ее фоне. В наши дни это старинное полотно высокомерно улыбалось в спину людям, державшим над головой свои телефоны. Люди, казалось, салютовали. Но кому или чему?

Пространству перед картиной, где люди стояли, не глядя на нее.

Самим себе?

Голова на столе подняла брови. Она по-монализовски ухмыльнулась, словно могла читать ее мысли.

Как смешно. Как остроумно.

«Национальная галерея»? Ей бы понравилась «Национальная галерея»? «Тейт Модерн»?

Но все эти места, если даже они сегодня открыты, закроются к обеду, как и большинство мест, да и в любом случае – поезда, в сочельник...

В общем, Лондон отменяется.

Что же тогда? Прогулка по скалам?

А что, если голову сдует в море?

От этой мысли защемило в груди.

– Куда бы я сегодня ни отправилась, можешь пойти со мной, – сказала София голове. – Если будешь паинькой и тихоней.

«Но вряд ли нужно об этом говорить, – подумала она. – Таких ненавязчивых гостей еще поискать».

– Мне очень приятно, что ты у меня в гостях, – сказала она. – Тебе здесь очень рады.

Голове наверняка это понравилось.

Пять дней назад:

София входит в гостиную-кабинет, включает свой рабочий компьютер, не обращает внимания на множество имейлов с красными «!» и заходит прямиком на гугл, где набирает

сине-зеленая точка в глазу,

а затем уточняет

сине-зеленая точка на периферии зрения увеличивается.

«У вас пятно на радужной оболочке? ВОТ что это означает!...»

«Пятна, точки и мушки: заглянем внутрь глаза».

«Когда я закрываю глаза... я вижу цветные точки: сприсиученых».

«Размытое зрение, плавающие пятна или полосы в глазах, светочувствительность и цветные пятна в глазах – форум, посвященный расстройствам зрения и заболеваниям глаз, – еЗдоровьеФорум».

«5 признаков того, что у вас ретинальная мигрень – новости о головной боли и мигрени».

«Энтоптический феномен – Википедия».

Она просматривает пару сайтов. Катаракты. Проблемы с цветофильтром. Отслоение стекловидного тела. Эрозия роговицы. Дегенерация желтого пятна. Мушки. Мигрени. Возможное отслоение сетчатки. Срочно обратитесь к врачу, если пятна или мушки не исчезают или вызывают у вас беспокойство.

Тогда она гуглит

зелено-синий шарик на периферии зрения.

Всплывает «Искусство видения»: открытие третьего глаза и мистический взгляд, куча всего по парапсихологии и «Почему видение световых точек – это сигнал, подаваемый вам ангелами» – Дорин Вёрчу – официальный сайт.

Нет, ну это уже слишком.

Она записывается через пару дней к окулисту в городской сетевой магазин.

Молодая блондинка-окулист выходит из подсобки, смотрит на экран, потом на Софию.

– Здравствуйте, София, я Сэнди, – говорит она.

– Здравствуйте, Сэнди. Я бы хотела, чтобы вы называли меня миссис Кливз, – говорит София.

– Конечно. Идите за мной, С... а... – говорит окулист.

Окулист поднимается по лестнице в задней части магазина. Наверху комната с приподнятым сиденьем, почти как у дантиста, и различными приборами. Окулист показывает на сиденье, предлагая Софии сесть. Стоя за письменным столом, окулист что-то записывает. Она спрашивает, когда Соф... а, миссис Кливз... последний раз была у окулиста.

– Это мой первый визит к окулисту, – говорит София.

– И вы пришли потому, что у вас проблемки со зрением, – говорит окулист.

– Посмотрим, – говорит София.

– Ха-ха! – смеется окулист, как будто София шутит, хотя это не так.

Окулист проводит проверку зрения вдаль и вблизи, проверку с закрыванием одного глаза, проверку, при которой в глаза пускают струю воздуха, проверку, при которой окулист заглядывает в глаза Софии с лампочкой, а София с изумлением (и неожиданным умилением) замечает, как ветвятся ее кровеносные сосуды, и проверку, при которой нужно нажать на кнопку, когда (и если) увидишь точку, движущуюся вокруг экрана.

Потом окулист переспрашивает у Софии дату рождения.

– Надо же. Я думала, неправильно записала, – говорит окулист. – Честно говоря, ваши глаза в прекрасном состоянии. Вам даже не нужны очки для чтения.

– Я вижу, – говорит София.

– Вот именно, – говорит окулист, – и очень хорошо для человека вашей возрастной группы. Вам крупно повезло.

– Значит, это везение? – говорит София.

– Ну, представьте себе такую ситуацию, – говорит окулист. – Представьте, что я автомеханик и кто-то сдал в ремонт машину. И это машина еще 40-х годов, а я открываю капот и вижу, что двигатель почти такой же чистый, как (окулист сверяется с карточкой) в 1946 году, когда он сошел с конвейера: просто поразительно, триумф!

– Вы хотите сказать, я похожа на старый «триумф», – говорит София.

– Как новенькая, – говорит окулист (явно без понятия, что когда-то была такая машина – «триумф» [7 - «Триумф Мотор Компани» – английская автомобилестроительная компания, основанная в 1885 и обанкротившаяся в 1984 г.]). – Как будто на ней почти не ездили. Не знаю, как вам это удалось.

– Вы намекаете, что я всю жизнь проходила с закрытыми глазами или в некотором смысле недобросовестно ими пользовалась? – говорит София.

– Да, ха, точно, – говорит окулист, просматривая бумаги и что-то с чем-то скрепляя. – Преступно низкий уровень пользования глазами, мне придется доложить об этом глазным властям.

Затем она видит лицо Софии.

– А, – говорит она. – Э...

– Значит, вы не увидели в моих глазах ничего такого, что бы вас беспокоило? – говорит София.

– А вас, миссис Кливз, беспокоит что-то конкретное? – говорит окулист. – Возможно, вы чего-то недоговариваете, или, возможно, вас что-то тревожит.

Потому что первопричина...

София заставляет девушку замолчать, вытаращив на нее свои прекрасно видящие глаза.

– Мне нужно знать – и это все, что мне нужно знать, я понятно выражаюсь? – говорит София. – Указал ли хоть один из ваших приборов на то, что должно вызвать у меня беспокойство в отношении моего зрения?

Окулист открывает рот, потом закрывает. Затем снова открывает.

– Нет, – говорит окулист.

– А теперь, – говорит София, – сколько я должна и кому мне заплатить?

– Абсолютно ничего, – говорит окулист. – Поскольку, учитывая, что вам уже за шестьдесят, нет...

– А, понятно, – говорит София. – Вот почему вы перепроверили дату рождения.

– Простите? – говорит окулист.

– Наверное, решили, что я солгала насчет своего возраста. Чтобы бесплатно проверить зрение в вашем сетевом магазине, – говорит София.

– Ммм... – говорит молодая окулист.

Она хмурится, опускает взгляд и вдруг кажется потерянной и трагичной посреди вульгарных сетевых рождественских украшений. Она больше ничего не говорит. Складывает распечатки, бланки и записи в папочку, которую прижимает к груди. Она жестом приглашает Софию спуститься вниз.

– Только после вас, Сэнди, – говорит София.

Белокурый «хвостик» окулиста подскакивает при ходьбе, и когда они спускаются на первый этаж, окулист прощается и исчезает в той же двери, из

которой она вышла в самом начале.

Точно так же грубо, не отрывая взгляд от экрана компьютера, девушка за стойкой предлагает Софии написать в твиттере, фейсбуке или оставить отзыв на трипэдвайзоре о сегодняшнем посещении окулиста, ведь рейтинги – это так важно.

София сама открывает дверь магазина.

На улице сильный дождь, в оптике продаются зонты-трости с названием сети, и за стойкой видна подставка с несколькими такими зонтами. Но девушка смотрит на экран и упорно не желает поднимать взгляд на Софию.

София добирается до машины, промокнув насквозь. Сидит в ней на парковке под стук дождя по крыше, в довольно приятных ароматах мокрого пальто и автомобильного сиденья. С волос капает вода. Это раскрепощает. Она смотрит, как дождь превращает ветровое стекло в подвижное расплывчатое пятно. Включаются фонари, и ветровое стекло заполняется разноцветными переменчивыми бесформенными точками, как будто кто-то пульнул в него маленькими ракетами с краской: городские власти развесили по периметру парковки цветные рождественские лампочки.

Смеркается.

– Правда, красиво? – говорит София.

София впервые обращается к ней – эрозии, дистрофии, отслоению, мушке, которая пока еще довольно мала, даже нельзя разобрать, что это голова – маленькая, как муха, летающая перед глазами, крошечный спутник, и когда София обращается к ней вот так, напрямик, она напоминает шарик, по которому бьет стальной рычаг автомата для пинбола, и она отскакивает рикошетом от одного бока машины к другому.

Ее движение, примерно в четыре часа дня, в зимней темноте, в самый короткий день в году, исполнено радости.

В густеющих сумерках, прежде чем завести двигатель и поехать домой, сидя под расплескавшимися по стеклу красками, София наблюдает за тем, как голова свободно скользит по приборной доске, словно пластмасса – это поверхность катка, отскакивает от подголовника пассажирского кресла, прочерчивает окружность руля, сначала один раз, а затем снова и снова, словно испытывая свои способности, а затем щеголяя ими.

Теперь она сидела на кухне. Теперь это нечто было размером с голову настоящего ребенка – испачканного пыльного ребенка в зеленых полосках, ребенка, вернувшегося домой в пятнах от травы, летнего ребенка в зимнем освещении.

Останется ли голова детской или повзрослеет? Вырастет ли она и станет, так сказать, летающей головой полностью развившегося человека? Станет ли она еще больше? Размером с колесо маленького велосипеда, типа складных великов? А потом размером с велосипедное колесо нормального размера? Со старомодный пляжный мяч? С надувной глобус в старом фильме «Великий диктатор», где Чаплин наряжается Гитлером и дубасит по глобусу у себя над головой, пока тот не лопается? Вчера вечером, когда голова в шутку скатывалась по желобу в шкафчике, проверяя, сколько английских керамических фигурок XVIII века, принадлежавших Годфри, получится опрокинуть за раз, отталкиваясь от их ножек, она впервые стала похожа на самую настоящую, катящуюся, падающую, отрубленную, гильотинированную, отделенную от тела голову...

...после этого случая София перестала впускать ее в дом, что было нетрудно, поскольку голова была очень доверчивой. Нужно было просто выйти в сад в темноте, и голова отправлялась вслед за ней: София знала, что она так поступит, подскакивая, словно гелиевый шарик, купленный на сельской ярмарке, а потом, когда голова поплывет вперед к кипарисам, словно и впрямь заинтересовавшись кустарниками, София бросалась обратно в дом и запирала дверь изнутри, со всех ног проносилась по комнатам и плюхалась в кресло в гостиной, опуская голову ниже спинки, чтобы любой человек (или предмет), заглянувший в окно, подумал бы, что ее нет дома.

Полминуты, целую минуту – тихо.

Хорошо.

Но потом – еле слышный стук в окно. Тук-тук-тук.

София протягивала вниз руку и брала с приставного столика пульт, включала телевизор и делала погромче звук.

Новости обступали с привычной утешительной истерией.

Но сквозь них снова – тук-тук-тук.

Поэтому она проходила на кухню и включала радио, кто-то в «Арчерах»[8 - «Арчеры» – самая продолжительная в мире многосерийная радиопостановка «о жизни в сельской местности», выходящая на канале Би-би-си «Радио 4» с 1950 г.] пытался отыскать в холодильнике место для индейки, и сквозь радиоголоса, по раздвижной двери, ведущей в темный сад, – тук-тук-тук.

Потом и по маленькой застекленной прорези в двери со двора – тук-тук-туковость.

Поэтому она поднималась в потемках вверх, потом снова вверх, наконец, по лестнице через люк на чердак, пересекала чердачную комнату и через низкую дверь забивалась в самую глубь совмещенного санузла, где пряталась под раковиной.

Тихо.

Зимний шум ветра в ветвях.

Потом в слуховом окошке – отблеск, похожий на свет ночника для детей, боящихся темноты.

Тук-тук-тук.

Она напоминала освещенный циферблат городских часов, зимнюю луну на рождественской открытке.

София вылезла из-под раковины, открыла слуховое окошко и впустила голову.

Сначала она парила на высоте ее собственной головы. Потом опустилась до того уровня, на котором находилась бы голова настоящего ребенка, и посмотрела снизу вверх круглыми обиженными глазками. Но тотчас же после этого, словно поняв, что София станет презирать ее за плаксивость и манипулирование, снова поднялась на уровень головы Софии.

Во рту голова держала веточку. Остролист? Она протянула ее, словно розу. София взяла веточку. После этого голова слегка переместилась в воздухе и взглянула на нее.

Что же в этом взгляде было такого, что София пронесла веточку остролиста по всем этажам старого дома, открыла входную дверь и оплела ею дверной молоток?

Такой вот в этом году рождественский венок.

Вторник, февраль 1961 года, ей четырнадцать лет, и когда она спускается к завтраку, Айрис уже на ногах – просто невероятно, Айрис вылезла из постели в выходной день! Она готовит себе тост, и мать кричит на нее за то, что она насыпала пепел в масло, а потом, как будто просто вздумала прогуляться в четверть девятого утра, Айрис провожает ее до школы, и когда они подходят к воротам, как раз перед тем как войти, говорит: «Слушай, Фило, во сколько утренняя перемена?» – «В десять минут одиннадцатого», – отвечает София. «Хорошо, – говорит Айрис, – скажи какой-нибудь подружке, что тебе нездоровится, ну, в смысле выбери самую мнительную и скажи, что неважно себя чувствуешь, а я буду ждать вон там в двадцать минут. – Она показывает через дорогу. – Пока!» Айрис машет на прощанье рукой, а София даже не успевает ничего спросить, и двое мальчиков-четвероклашек, проходивших мимо, останавливаются и смотрят Айрис вслед, один из них раскрывает от удивления рот. «Это и правда твоя сестра, Кливз?» – спрашивает другой.

На математике она наклоняется над партой Барбары.

– Знаешь, что-то мне как-то не по себе.

– Ой-ой-ой, – говорит Барбара и отодвигается подальше.

Айрис – умняшка.

Айрис приносит одни неприятности. София никогда не приносит неприятностей, она всегда делает все как надо, она неиспорченная, правильная девочка, которая метит в главные (в головной офис, а потом возглавит собственную фирму, на голову опередив остальных в ту эпоху, когда девочки не должны были никого опережать и ничего возглавлять – первый случай в ее жизни, когда она поступает не совсем так, как надо, из-за чего унаследует довольно приличное, точнее, неприличное чувство вины), но она только что нагло соврала, из-за чего ей стало и вправду не по себе, так что это уже не совсем ложь, и теперь она готовилась совершить что-то еще более недозволенное и неправильное, чем бы это ни было, отчего сердце так сильно стучало при решении логарифмов, что казалось, будто все тело явно дрожит: «Извините, сэр, София Кливз почему-то пульсирует», но звенит звонок, и никто ничего не говорит, а она тайком выбегает в раздевалку для девочек, снимает с вешалки пальто, надевает его и застегивает на все пуговицы, как будто собирается выйти на холод, хотя на самом деле сегодня очень тепло.

Она стоит у ворот для девочек, как будто случайно там встала и о чем-то задумалась, и видит Айрис возле магазина Мэлва. Старая жестяная реклама горчицы «Колмен» на стене подходит по цвету к пальто Айрис, как будто Айрис об этом знала и встала там специально.

Никто не смотрит. София переходит дорогу.

Айрис стоит возле магазина на стреме, присматриваясь к каждой проходящей мимо домохозяйке, которая может насовать их матери, а София делает так, как ей велели, развязывает галстук и запихивает его в карман. Потом Айрис снимает ярко-желтое пальто и остается в одной кожаной куртке помощника мясника. Айрис скидывает и ее и протягивает Софии.

– Можешь поносить до завтра, до полуночи, – говорит Айрис, – но потом придется вернуть, иначе она превратится в пепел и прах. С Днем святого Валентина. Ну, или считай, что это подарок на Рождество, наперед. Давай примерь. Не бойся. Вот. Боже, Соф, ты просто мечта. Отдай мне свое пальто.

Айрис заходит со школьным пальто к Мэлву, а затем выходит без него.

– Мэлв говорит, что оставит его у себя в подсобке до завтра, – говорит она. – Но тебе придется выйти из дома первой, чтобы мать не заметила, что ты без пальто, такие дела. Придумай заранее отмазку.

– Какую еще отмазку? – спрашивает она. – Я не умею лгать, как ты.

– Я? Лгать? – говорит Айрис. – Скажи, что оставила его в школе. В нем слишком жарко. Кстати, это правда.

Это правда: февраль считается зимним месяцем, но сегодня так тепло, поразительно тепло, даже не по-весеннему, а как-то по-летнему. Но София все равно не снимает куртку всю дорогу, даже в метро. Айрис ведет ее в кофейню, потом в заведение под названием «Кастрюлька» – поесть тушеного мяса с картошкой, после чего заводит ее за угол, и они стоят возле «Одеона». На стене – афиша «Солдатского блюза». Что, правда?

Айрис смеется, увидев ее лицо.

– Ты просто картинка, Соф.

Айрис из тех, кто требует «запретить бомбу». Нет водородной бомбе! Нет ядерному самоубийству! От страха – к здравомыслию! А вы бы сбросили водородную бомбу? Специально для марша Айрис купила себе дафлкот, и сражение, которое спровоцировал этот дафлкот, было самым крупным в истории: отец вышел из себя, мать ужасно сконфузилась, когда за чаем Айрис шокировала гостей тем, что не просто разглагольствовала (хотя это само по себе девушке не к лицу), но еще и рассуждала о ядовитой пыли в воздухе, а теперь и во всей еде, а потом сказала отцовским друзьям с работы о «двухстах тысячах человек, приговоренных к смерти от нашего имени», позже отец ее ударил, когда она крикнула ему в гостиную «не убий», а отец никогда никого не бил. Айрис много месяцев твердила, что никогда не станет платить за фильм, в котором Элвис играет солдата. Но теперь она даже купила хорошие места на балконе, поближе к экрану.

В фильме Элвис играет солдата оккупационных войск по имени Тульса, который идет на свидание с танцовщицей в Германии. Танцовщица – настоящая немка.

Если бы отец узнал, что они смотрели фильм, в котором немцы показаны людьми, то взбесился бы так же, как в тот раз, когда растоптал пластинку «Спрингфилдс» и выбросил осколки в мусорное ведро, потому что на ней была песня «Где цветы, дай мне ответ» на немецком[9 - «Where Have All the Flowers Gone» – антивоенная песня в стиле фолк (1961), которую, в частности, пела в немецком переводе Марлен Дитрих.]. Элвис и немецкая танцовщица плывут на пароме по Рейну – реке, у которой (София шепчет Айрис), как это ни удивительно, есть собственная единица измерения. (Айрис вздыхает и закатывает глаза. Айрис вздыхает все время, пока Элвис поет младенцу в корзинке песню о том, что младенец – это уже маленький солдат, Айрис смеется в голос – единственная, кто смеется во всем кинотеатре, – в начале фильма, когда Элвис, в танке с длинной торчащей пушкой, выпускает снаряд, который поднимает на воздух деревянную лачугу, хотя Софии непонятно, что здесь смешного, и в конце, когда они выходят на лондонские улицы, Айрис качает головой и смеется. «Мужчина, похожий на тающую свечу, – говорит она. – Не мужчина, а тающая свеча». – «Что ты имеешь в виду, Элвис похож на свечу?» – спрашивает она. Айрис снова смеется и обнимает ее: «Да ладно тебе. В кофейню, а потом домой?»)

В «Солдатском блюзе» столько песен, что чуть ли не каждую минуту Элвис что-нибудь поет. Но лучшая песня звучит, когда они с немецкой танцовщицей идут в парк с кукольным театром, что-то наподобие Панча и Джуди, где кукла-отец, кукла-солдат и кукла-девушка разыгрывают сцену перед зрителями-детьми. Кукла-девушка влюблена в куклу-солдата, и он отвечает взаимностью, но кукла-отец говорит по-немецки что-то типа «и думать не смей». Тогда солдат начинает дубасить отца палкой, пока не сравнивает его с землей. Кукла-солдат поет кукле-девушке немецкую песню. Но что-то расстраивается: старик, управляющий проигрывателем кукольного театра, криво ставит пластинку, и песня звучит то слишком быстро, то слишком медленно. Поэтому Элвис говорит: «Может, мне настроить эту штуку вместо него?»

Затем происходит следующее: весь экран кинотеатра – один из самых широких, какие она видела, настолько шире экранов в родном городке, что это кажется несправедливым, – превращается в сцену кукольного театра с Элвисом внутри, показанным по грудь: великан, приехавший из другого мира, а рядом с ним – кукла-девушка, крохотная и в полный рост, так что он кажется каким-то божеством. Он поет кукле, и это самое сильное и прекрасное, что София когда-либо видела: он почему-то даже красивее и удивительнее, чем в начале фильма, когда принимал душ с другими солдатами и намыливал голый торс.

Там, в частности, есть доля секунды, которую София потом постоянно пыталась прокрутить в голове, до конца не уверенная, что сама этого не придумала. Но это невозможно. Ведь ее тогда пробрало.

Это происходит, когда Элвис наконец уламывает куклу-девушку, которая просто кукла, но почему-то вдобавок очень остроумная и дерзкая, и она на минутку прижимается к его плечу и груди. В этот момент он бросает неуловимый, почти незаметный взгляд на любимую девушку среди зрителей – и на людей, смотрящих кукольный спектакль, а также на людей, смотрящих фильм, включая Софию, – едва ощутимое движение его красивой головы, словно пытающееся сказать о многих вещах, и в том числе: «Эй, поглядите сюда, взгляните на меня, взгляните на нее, кто бы мог подумать? Представьте себе, вы это видели?»

Утро сочельника, 10 часов. Отделенная от тела голова дремала. Кружевная, густолиственная зеленая растительность, переплетение крошечных листочков и ветвей уплотнилось и завилось вокруг ноздрей и верхней губы, словно высохшая носовая слизь, и голова так правдоподобно вдыхала и выдыхала, что если бы кто-то, стоя рядом с этой комнатой, услышал ее, то был бы уверен, что здесь вздремнул настоящий целый ребенок, пусть и сильно простуженный.

Возможно, помогла бы эта штука – «калпол», которую ей удалось раздобыть в аптеке?

Но такая же растительность, кажется, пробивается и из ушей.

Как же эта голова может дышать, если никакого дыхательного аппарата нет и в помине?

Где ее легкие?

Где остальные органы?

Возможно, где-нибудь был кто-то еще с маленьким туловищем, парой ручек и ногой, следующей за ним повсюду? Маленькое туловище маневрировало между полками супермаркета? Или сидело на парковой скамье? Или на стуле возле батареи в чьей-то кухне? Как в старой песне, которую София поет вполголоса,

чтобы не разбудить голову: «Я ничье дитя. Я не чье дитя. Дикой ромашкой. Жизнь цветет моя»[10 - «Ничье дитя» – песня, написанная Си Кобеном и Мелом Фори (1949) и исполнявшаяся, в частности, «Битлз» (1964).].

Что с ней случилось?

Это событие сильно ее травмировало?

Софии было больно об этом думать. Боль удивляла сама по себе. София уже давно ничего не чувствовала. Беженцы в море. Дети в машинах «Скорой помощи». Окровавленные мужчины, бегущие в больницы или из горящих больниц с залитыми кровью детьми на руках. Запыленные трупы на обочинах. Зверства. Людей избивают и пытаются в камерах.

Ничего.

А еще, знаете, привычный каждодневный кошмар, обычные люди, которые просто шли по дорогам страны, где она выросла, и казались кончеными, диккенсовскими, словно призраки бедняков полуторавековой давности.

Ничего.

Но сейчас она сидела за своим столом в сочельник и чувствовала, как боль играла на ней, будто на музыкальном инструменте, тонко выверенную, многострунную мелодию.

Да и как утрата самого себя в таком объеме могла не причинять боль?

Что я могу ей дать? Ведь я так бедна.

А, вспомнила.

Она проверила время на плите.

Под Рождество банк закрывается раньше.

Банк.

Что ж, это подействовало

(деньги всегда действовали и будут действовать)

и вот совсем другая версия событий того утра, словно в романе, где София – персонаж, которым она хотела, очень хотела бы стать, персонаж гораздо более классической истории, идеально отшлифованной и облагораживающей, – о том, как мрачна и в то же время светла мажорная симфония зимы и каким прекрасным все кажется в сильный мороз, как он улучшает и серебрит каждую былинку, придавая ей индивидуальную красоту, как блестит даже тусклый асфальт на дороге, дорожное покрытие у нас под ногами, когда погода достаточно холодная и что-то внутри нас, внутри всех наших холодных и замерзших состояний, тает, если мы сталкиваемся с миром на земле и в человеках благоволением[11 - Лук. 2:14.]. В этой истории нет места для отрубленных голов, в этом произведении идеально отшлифованная скромность минорной симфонии и повествовательное благолепие дополняют историю, в которой участвует София, правильным статусом спокойной, умудренной опытом стареющей женщины, делая эту историю содержательной, благородной и, слава богу, традиционной по построению, той качественной художественной литературой, где неторопливая поземка мягко стелется по земле, тоже отличаясь безупречной приглушающей чинностью, падающий снег еще больше отбеливает, смягчает, смазывает и приукрашивает пейзаж, в котором нет голов, отделенных от тел и висящих в воздухе или где бы то ни было – ни новых, результатов новых зверств, убийств или терактов, ни старых, остатков старых, прошлых зверств, убийств и терактов, завещанных грядущему, словно в старых плетеных корзинах времен Великой французской революции, почерневших от старой высохшей крови, поставленных на порогах опрятных интерактивных современных жилищ с центральным отоплением, с привязанными к ручкам записками: «Пожалуйста, позаботьтесь об этой голове, спасибо»,

ну уж нет,

спасибо,

спасибо большое:

вместо этого было утро сочельника. День обещал быть хлопотным. На Рождество приедут гости, Артур привезет свою подружку/партнершу. Столько всего нужно уладить.

После завтрака София поехала в город – в банк, на сайте которого говорилось, что он будет работать до обеда.

Несмотря на убытки, она по-прежнему оставалась «держателем коринфского счета», как это называлось в банке, то есть на ее банковских картах была изображена капитель коринфской колонны с завитками из каменных листьев, в отличие от карт держателей обычного счета, на которых вообще ничего не было изображено, и, как держатель коринфского счета, она обладала правом на персональное обслуживание и повышенное внимание со стороны банка в лице индивидуального персонального консультанта. За это она платила более 500 фунтов стерлингов в год. За это ее индивидуальный персональный консультант, коль скоро у нее возникнет вопрос или необходимость, был обязан сесть напротив нее и позвонить за нее в информационно-справочную службу банка, пока она будет сидеть в той же комнате и ждать. Это означало, что ей не нужно было звонить самой, хотя все-таки иногда индивидуальный персональный консультант просто записывал номер на банковском бланке и передавал его клиенту, как бы намекая, что, возможно, клиенту будет удобнее позвонить самому из дому. Совсем недавно точно так же отмахнулись и от Софии, хотя она считала себя хорошо известной или, по крайней мере, просто известной в местном банке как некогда знаменитая деловая женщина мирового уровня, поселившаяся здесь на пенсии.

Куда подевались банковские управляющие былых времен? Их костюмы, апломб, ценные советы, обещания, искусный политес, дорогие эмбоссированные рождественские карты с личной подписью? В то утро индивидуальный персональный консультант, молодой человек, похожий на выпускника школы, который, пока София сидела напротив него и его компьютера, оставался без движения целых тридцать пять минут, пока информационно-справочная служба банка, оставаясь на проводе, не соединила его с нужным человеком, и выразил сомнение в том, что сможет ответить на вопросы миссис Кливз до закрытия банка в полдень. Возможно, будет лучше, если миссис Кливз договорится о встрече на неделе после Рождества?

Индивидуальный персональный консультант повесил трубку и записал Софию на встречу в первую неделю января на компьютере. Индивидуальный персональный консультант объяснил Софии, что банк пришлет ей электронное письмо с подтверждением встречи, а затем эсэмэс-напоминание накануне указанного дня. Наконец, увидев подсказку на экране, он спросил миссис Кливз, не хотела ли бы та оформить какое-нибудь страхование.

– Нет, спасибо, – сказала София.

– Жилище, постройки, автомобиль, личное имущество, здоровье, путешествия – любой вид страхования? – сказал индивидуальный персональный консультант, читая с экрана.

Но София уже оформила все виды страхования, в которых нуждалась.

Поэтому индивидуальный персональный консультант, по-прежнему глядя в экран, сообщил ей некоторые факты о конкурентных ставках и комбинированных возможностях в том диапазоне страхования, который банк мог предложить своим элитным клиентам. Затем он просмотрел данные о ее коринфском счете, чтобы рассказать, какими из этих видов страхования она уже обладает как держатель коринфской карты и какие из них коринфский счет не покрывает.

София напомнила, что хотела бы снять сегодня перед уходом немного наличных.

Тогда индивидуальный персональный консультант завел речь о наличных. Деньги, сказал он, сейчас изготавливаются специально для автоматов, а не для человеческих рук. Скоро также выпустят новую десятифунтовую банкноту, сделанную из того же материала, что и новая пятифунтовая, так что автоматам будет легче считать банкноты, но зато станет гораздо труднее считать их вручную, если вы работаете в банке. Скоро, сказал он, в банках почти не останется работающих людей.

София заметила у него румянец, поднимавшийся от шеи к ушам. На скулах тоже был румянец. Наверное, люди, работающие в этом банке, начали отмечать Рождество заранее. Судя по возрасту, служащему еще нельзя было употреблять алкоголь. На минуту ей показалось, что он вот-вот расплчется. Он был так жалок. Его заботы ее не волновали – да и с какой стати должны волновать?

Однако София, зная по опыту о пользе конструктивных отношений с людьми, занятыми в банковском деле, решила не проявлять нетерпения или неприятной резкости, пока индивидуальный персональный консультант излишне многословно рассказывал о том, как неожиданно для себя перешел на интерактивные контрольно-кассовые машины, дабы избегать теперь уже старомодных реальных людей, до сих пор пробивающих покупки на кассах в супермаркетах.

Поначалу он возмущался, когда супермаркет, где он покупает себе обед, убрал некоторых людей, работавших на кассах, и заменил их кассовыми аппаратами самообслуживания, и старался платить людям, а не машинам. Но очередь к живому человеку всегда была длинной, потому что на этой кассе теперь сидел всего один человек, а кассовые аппараты почти всегда были свободны, поскольку их было больше и поэтому очереди к ним двигались намного быстрее, и потому он начал подходить к машинам, покупая себе обед, и теперь всегда направлялся напрямик к ним и, как ни странно, испытывал облегчение, потому что говорить с кем-нибудь, пусть даже о пустяках, ни о чем, временами тяжело, так как всегда чувствуешь, что тебя оценивают, или стесняешься, или кажется, будто говоришь какую-то глупость или что-то не то.

– Подводные камни человеческого общения, – сказала София.

Индивидуальный персональный консультант переводит взгляд с экрана на нее. Она видит, что он видит ее.

Она была какой-то старухой, о которой он ничего не знал и до которой ему не было никакого дела.

Он снова взглянул на экран. Она знала, что он смотрит на данные ее счета. Прошлогодние данные там не высвечивались. Они ничего не значили. Как и данные позапрошлого года или позапозапрошлого и так далее.

Где данные банковского счета былых времен?

– Это факт, – сказала София. – Даже минимальное человеческое общение крайне затруднительно. А теперь... если можно... я пришла сегодня специально для того, чтобы снять сумму наличными.

– Да, мои коллеги за столом дежурного помогут вам с сегодняшним снятием наличных, миссис Кливз, – сказал он.

Потом он взглянул на экран и сказал:

– Ой, нет. К сожалению, они не смогут.

– Почему? – сказала София.

– К сожалению, мы уже закрыты, – сказал он.

София посмотрела на часы на стене у него за спиной. Двадцать три секунды первого.

– Но вы-то сможете обеспечить меня суммой, ради которой я сегодня и пришла, – сказала София.

– К сожалению, наши сейфы запираются автоматически в конце рабочего дня, – сказал индивидуальный персональный консультант.

– Я хотела бы, чтобы вы проверили мой клиентский статус, если вам несложно, – сказала София.

– Проверить-то мы можем, – сказал он, – но вряд ли сумеем что-либо сделать.

– Значит, вы хотите сказать, что я не могу снять деньги, которые я желаю снять с собственного счета сегодня, – сказала она.

– Разумеется, вы все равно можете снять необходимую сумму в соответствии с вашим лимитом в банкомате перед банком, – сказал он.

Он встал. Никакого статуса он не проверял. Он открыл дверь, потому что время, отведенное на эту конкретную встречу в этой конкретной комнате, истекло.

– Есть ли у меня хоть какой-нибудь шанс обсудить это с управляющим вашим филиалом? – сказала София.

– Управляющий филиалом – это я, миссис Кливз, – сказал индивидуальный персональный консультант.

Они поздравили друг друга с Рождеством. София вышла из банка. Она услышала, как за спиной заперлись главные двери.

Выйдя из банка, она направилась к банкомату. На экране банкомата можно было прочесть сообщение о том, что он временно не работает.

Затем София попала в пробку, застывшую во всех направлениях. Она застряла рядом с островком травы в центре города (едва ли можно было назвать это парком), где ствол того самого дерева много лет назад был окружен белой деревянной скамьей, поставленной по всему обхвату, но теперь там ничего не было. На мгновение София задумалась о том, не бросить ли машину посреди дороги и не пойти ли посидеть немного под деревом, пока пробка не рассосется. Она могла бы запросто оставить машину посреди дороги. Другие люди в машинах могли бы запросто ее объехать. А она могла бы запросто посидеть на дерне.

Она взглянула через плечо на большое старое дерево.

Взглянула на объявление о продаже парка и плане строительства «роскошных квартир офисных площадей престижного торгового пространства». Роскошь. Престиж. В небе звенели колокольчики из магазина металлоизделий, товаров для дома и садового инвентаря через дорогу от лужайки, с баннером о распродаже в связи с закрытием на витринах. Дзинь. Ох-ох-ох-ох-ох.

«В рождественской музыке особенно интересна ее полная беспомощность, – она представила, будто вещает эрудированным, но не отпугивающим голосом «Радио 4» в передаче о рождественской музыке, – она просто не срабатывает в любое другое время года. Однако сейчас, в самый разгар зимы, она глубоко трогает, акцентируя внимание на одиночестве и в то же время на чувстве общности, – говорила она миллионам неслушающих радиослушателей. – Она становится голосом духа в его самом мощном проявлении и побуждает наималейшие, самые чахлые его проявления окунуться в некое изобилие. В силу самой своей природы она символизирует повторение – ритм времени, но в еще большей степени – возвращение времени в его бесконечном и утешительном цикле к этому особенному моменту года, когда, вопреки темноте и холоду, мы

приходим на выручку, дарим гостеприимство и доброжелательность и раздаем их, словно капельку роскоши в этом мире, враждебном и тому и другому».

«В холодной безмолвной ночи, священной ночи» «над глубоким сном твоим без видений» «да не смутит вас ничего»[12 - Цитаты из различных рождественских гимнов.]. София вздохнула, откинулась на сиденье. Она знала их все – все рождественские песни, – и не просто знала, а дословно, наизусть, включая мелодии. Пожалуй, для этого и нужно католическое воспитание, и директор, древний старик валлиец, который отводил их на пение (помнишь его, старая голова?), пока не пришла новая, помоложе, был добрым, что меняло дело, и в перерывах между пением останавливал класс, разводил руки в стороны, раскрывал ладони, словно актер прежних времен на сцене, и просто рассказывал им истории, вместо того чтобы чему-то учить. Он был непритязательным, прекраснодушным, от него всегда пахло какими-то лекарствами, не сказать, что неприятно, и он принадлежал для них к такой поистине стародавней эпохе, что весь класс воспринимал его самого и его истории так серьезно, словно они снизошли от самого Господа Бога.

Например, он рассказал им о прославленном художнике, который начертил углем круг на клочке холста, когда императорские послы повелели ему нарисовать самую совершенную картину в мире. «Отдайте ему это».

Какие еще истории рассказывала им эта старая голова?

Вот эту.

«Человек убил другого человека в каменистом поле. Они поссорились из-за чего-то, и один ударил другого по голове большим круглым камнем величиной с голову. От этого другой человек умер. Поэтому человек, который убил его, окинул взглядом окрестности, чтобы узнать, не видел ли кто-нибудь случившееся. Не было никого. Он пошел домой и взял лопату. Вырыл в поле большую яму и свалил туда мертвеца, а потом сбросил тяжелый камень с моста в реку. Спустился на берег реки, помылся и почистил одежду.

Но он не мог отделаться от мысли о проломленной голове мертвеца. Мысль о ней преследовала его повсюду.

Потому он пошел в церковь. Благослови меня, отче, ибо я согрешил. Боюсь, Господь не сможет простить того, что я сделал.

Священник, тоже молодой человек, заверил его, что если он исповедуется и искренне раскается, то, разумеется, будет прощен.

– Я убил человека и закопал его в поле, – сказал человек. – Я ударил его камнем, и он упал замертво. Я бросил камень, которым это сделал, в реку.

Священник кивнул за темным окошком, забранном маленькой решеткой с множеством дырочек. Он наложил на человека епитимью и произнес формулу отпущения грехов. Так что человек вышел, сел в церкви, прочитал молитвы и был прощен.

Прошли годы, десятилетия, никого больше не интересовало и не волновало, где умерший человек. Те, кого это беспокоило, умерли, а все остальные забыли о нем.

Однажды старик случайно встретил старого священника по дороге в город, узнал его и сказал:

– Отче, пожмите мне руку. Не знаю, помните ли вы меня.

Они отправились в город вместе, болтая обо всем на свете: семье, жизни, о том, что изменилось, и о том, что осталось прежним.

Затем, когда они приблизились к городу, старик сказал:

– Отче, я хочу поблагодарить вас за то, что вы помогли мне много лет назад. Я хочу поблагодарить вас за то, что никому не рассказали о том, что я сделал.

– А что вы сделали? – спросил старый священник.

– Убил камнем человека, – ответил старик, – и закопал его в поле.

Старик достал из кармана флягу и предложил старому священнику выпить. Священник выпил за здоровье старика. Они кивнули друг другу и, добравшись

до рыночной площади, попрощались.

Старик пошел домой. Старый священник пошел в полицию.

Полиция пошла в поле, выкопала там кости и пришла за стариком.

Старика судили, признали виновным и повесили в тюрьме».

Раздираемые ангелочками магазины закрывались. Почти стемнело.

София поехала домой. Добравшись до дома, она отперла входную дверь. Прошла на кухню.

Села на стол.

Обхватила голову руками.

Поздним летним днем 1981 года две девушки стоят у типичного скобяного магазина на главной улице южноанглийского городка. Над дверью – вывеска в форме дверного ключа с надписью «ИЗГОТОВЛЕНИЕ КЛЮЧЕЙ». Сильный запах креозота, масла, парафина, химикатов для газонов. Насадки для зубных щеток с ручками, насадки без ручек, ручки без насадок – распродажа. Что еще? Грабли, лопаты, вилы, садовый каток, стенка со стремянками, оловянная ванна с мешками компоста. Бутылки сжиженного бутана, кастрюли, сковородки, швабры, древесный уголь, складные табуретки из дерева, пластиковое ведро с вантузами, сложенные штабелем пачки наждачной бумаги, тачка с мешками песка, металлические половики, топоры, молотки, парочка походных газовых плиток, ковровые покрытия из мешковины, материал для штор, материал для карнизов, материал для прикручивания карнизов к стенам и ламбрекенов, пассатижи, отвертки, лампочки, светильники, канистры, колышки, корзины для белья. Пилы любых размеров. ВСЁ ДЛЯ ДОМА.

Но девушки будут вспоминать в основном цветы – лобелия, алиссум – и полки с яркими цветными пакетиками семян, когда они будут говорить об этом впоследствии.

Они здороваются с мужчиной за прилавком. Становятся у мотков цепей различной ширины. Сравнивают цену за ярд. Подсчитывают. Одна тянет за конец тонкой цепочки. Та разматывается, позвякивая, а другая стоит перед ней, делая вид, будто смотрит на что-то другое, пока первая обматывает цепь вокруг бедер и примеряет на себя.

Они переглядываются и пожимают плечами. Они понятия не имеют, какой длины.

Поэтому проверяют, сколько у них денег. Меньше 10 фунтов. Они рассматривают висячие замки. Нужно купить четыре. Если они купят замки поменьше и подешевле, то денег хватит еще примерно на три ярда.

Продавец отрезает для них куски. Они платят. Колокольчик над дверью звякает у них за спиной. Они снова выходят на улицу городка в долгих английских сумерках, в летней истоме.

На них никто не смотрит. На этой сонной солнечной улице никто на них даже не оглядывается. Они стоят на обочине. Теперь главная улица этого городка кажется необычно широкой. Неужели она была такой же широкой, перед тем как они вошли в магазин, а они просто этого не заметили?

Они не решились рассмеяться, пока не вышли из города обратно на дорогу и не прошагали несколько миль к остальным, и только потом решились. Потом они рассмеялись как сумасшедшие.

Представьте, как они идут под руку по жаре: одна размахивает сумочкой с позвякивающими в ней цепочками и поет, чтобы рассмешить другую, «динь-динь-дон, динь-динь-дон, льется чудный звон»[13 - Цитата из одной из самых известных американских рождественских песен «Jingle Bells», написанной Дж. Л. Пьерпонт (1858).], а у другой в карманах замки в комплекте с миниатюрными ключиками, и трава с обеих сторон дороги, по которой они идут, по-летнему желтая и испещрена сорняками, полевыми цветами.

Зимнее солнцестояние. Арт в Лондоне, за обшарпанным «пи-си» общего пользования, в помещении бывшего справочного отдела библиотеки, над дверью которого теперь висит табличка: «Добро пожаловать в хранилище идей». Он

набирает случайные слова в гугле, проверяя, выскочит ли в частых запросах, что они умерли. Большинство выскакивает, и если даже не сразу, все равно почти всегда они оказываются умершими, стоит набрать [слово] плюс букву «у».

Его охватывает нервная дрожь (не ясно, чем вызванная, – возможно, мазохизмом), когда он набирает слово «арт» и выскакивает самый верхний запрос в списке:

арт умер.

Потом он пробует слово «мазохизм».

«Мазохизм умер» не выскакивает.

Но любовь однозначно умерла.

Место, где он находится, – полная противоположность смерти. Оно кишит людьми, которые чем-то заняты. Было довольно трудно найти местечко за одним из этих старых «пи-си», и куча народу сейчас стоит и ждет, пока освободится один из всего пяти работающих. Несколько человек в очереди ведут себя беспокойно, как будто им действительно нужно что-то срочно сделать. Пара человек суетится. Они ходят взад-вперед за спинами людей в компьютерных кабинках. Арту все равно. Сегодня ему на все плевать. Известный своей вежливостью Арт, любезный, щедрый, сентиментальный, чуткий Арт не считается с потребностями других и будет сидеть в этой гребаной импровизированной кабинке, сколько ему захочется и понадобится.

(Из вежливости, любезности, щедрости, сентиментальности и чуткости мертва только сентиментальность.)

У него куча работы.

Еще ему надо написать в блог о солнцестоянии и выложить текст, пока солнцестояние не закончилось.

Он набирает логи.

Выскакивает: умерли.

Он набирает природа.

Это одно из слов, которым нужна дополнительная буква «у». Когда он добавляет ее, выскакивают подсказки:

природа ума

природа умирает

природа умеренного пояса

природа умерла

Однако писатели о природе, оказывается, еще не умерли. Когда набираешь это слово, выскакивает множество уменьшенных изображений – портретики пышущих здоровьем великих людей прошлого и настоящего. Он смотрит на задумчивые личики этих пытливых умов в крошечных интернетных квадратиках, и страшная тоска сжимает ему сердце.

Способна ли измениться природа?

Ведь он ни на что не годен.

Самовлюбленный жулик.

Ведь в жизни настоящих писателей о природе не бывает таких проблем, которые они не могут решить или сгладить своими трудами о природе. Смотрите на него.

Шарлотта права. Он ненастоящий.

Шарлотта.

Через три дня мать ждет его с Шарлоттой в Корнуолле.

Он вынимает из кармана телефон. Смотрит на экран. Шарлотта начала рассылать с @rtinnature фейковые твиты. Вчера она от его имени сообщила 3451 его подписчику, что он увидел первую крушинницу нового годового цикла. «3 месяца назад первый зиг-заг крушинницы!» Она специально делает орфографические ошибки, чтобы выставить его глупым и неряшливым, а учитывая это словечко «зиг», возможно, также пытается заманить в ленту пару-другую нацистов. Она запостила картинку с самкой крушинницы на листе, скачанную из интернета. Твиттер взорвался, разразилась мини-твиттер-буря, @rtinnature ненадолго выбился в топ, когда больше тысячи возбужденных, сердитых и слегка агрессивных любителей природы обрушились на него из-за того, что он не понимает разницы между новой бабочкой и той, которая проснулась от зимней спячки.

Сегодняшние твиты, начавшиеся полчаса назад, тоже от его имени, сообщают всем другую вопиющую ложь. Сегодня Шарлотта твитит картинки Юстон-роуд во время снегопада, которые отыскала где-то в сети.

Никакого снега нет. 11 градусов, и солнечно.

Ответы уже пенятся, как неудачно налитое светлое пиво. Ярость и сарказм, злоба, ненависть и насмешки, в одном твите даже говорилось: «если бы ты был бабой, я бы прямо сейчас отправил тебе луч смерти». Арт не знает, что это – постмодернистская шутка или серьезная угроза. Мало того, пара СМИ, австралийское и американское, перепостили эти картинки со ссылкой на его твиттер. Первые фото: снегопад в центре Лондона.

Телефон в руке загорается. «Дорогой племяш».

Это Айрис.

Вчера Айрис прислала ему эсэмэску, чтобы рассказать о еще одном значении слова «крушинница». «Дорогой племяш, ты никогда не проверял или не натыкался на самонаводящуюся функцию типа Крушинницы, я про ракету класса воздух-земля. Чё-то на бабочку не сильно тянет! Если махнет крыльями, по ходу будет совсем другой эффект бабочки x Айр».

Сегодня она неожиданно обнадеживает. «Дорогой племяш, – пишет она, – ты сам не свой в твиттере:-\$. Так вот скажи за себя: мы во власти технологии или технология в нашей власти? х Айр».

Что ж, блеск. Ведь если даже его древняя тетка, которой, наверное, уже под восемьдесят и которая по-любому почти его не знает, способна определить, что его взломали, значит, незачем волноваться: его настоящие подписчики однозначно это вычислят.

В Лондоне снега по колено, твиттерчане!

Он не поведется.

Он выше этого.

Он не доставит ей удовольствия, отступив в сторону.

Он не позволит себя нагнуть.

Он позволит ей раскрыть свою низость через собственные же поступки.

(Любопытно, что Шарлотта всеми способами пытается поддерживать с ним связь.)

Он оглядывается на всех этих людей в библиотеке. Ну в самом-то деле, смотри. Видишь? Никто в этой комнате не знает о том, что происходит в интернете от его имени и под его фото, или всем всё равно. Если взглянуть на вещи под таким углом, вполне можно сказать, что на самом деле этого не происходит.

Тем не менее это происходит.

Так что же тогда реально? Разве эта библиотека – не реальность? Разве реальность – на экране, а вот это физическое сидение здесь со всеми этими людьми – не реальность? Он выглядывает в окно поверх экрана старого угловатого «пи-си». Мимо проезжают машины, туда-сюда снуют люди, на автобусной остановке напротив сидит девушка, которая что-то читает, и ее ничего не волнует. Или волнует?

Нет.

Значит, ей не о чем волноваться.

Но

твиттерчане

Шарлотта унижает его и одновременно обставляет все так, как будто он унижает своих подписчиков. Это обидно во многих отношениях. Она знает об этом. Она твитит про снег специально для того, чтобы его обидеть. Она знает, что он все спланировал и давно готовился к настоящему снегу, если он вообще пойдет, чтобы написать об этом для «Арта на природе». Он собирается – точнее, собирался – сделать отступление на тему следов и алфавитных оттисков. «Каждая буква, оставленная в электронном или печатном виде, – это разновидность отпечатка, следов животного», – строчка, написанная в его блокноте более полугода назад. Шарлотте прекрасно известно, что он отложил эту тему из-за теплой зимы в прошлом году. Теперь у него есть такие хорошие, прекрасные слова для заклинаний: шлейф, штамп, оттиск. Он также коллекционировал необычные слова для различных состояний снега. Мокрядь. Шуга. «Кающиеся» снега. Он собирается – точнее, собирался – даже слегка политизироваться и поговорить о единстве природе, несмотря на кажущееся разъединение, о том, как единство может проявляться, вопреки всему, в случайных взаимоотношениях между снегом и направлением ветра, о том, как снег ложится преимущественно на одну сторону, хотя ветки дерева торчат в разные. (Шарлотта сочла это весьма банальной мыслью и прочитала ему лекцию о том, что он не улавливает сути и что самые лучшие и политически сознательные писатели о природе никогда не бывают самодовольными, самоослепленными и самоуспокоенными на собственный счет в смутные времена, а слово «снежинка» имеет сейчас совершенно другое значение и об этом-то ему и нужно писать[14 - После проведения референдума 2016 г. и избрания Д. Трампа президентом США английское слово «снежинка» стало политическим оскорблением, которое используется «правыми» по отношению к «левым» и служит уничижительным обозначением беззащитных и обидчивых «либералов». Приблизительный русский аналог – «хомячок»].) Он писал заметки о взаимообмене молекул воды и собирался озаглавить их «Щедрая вода». Он отмечал, почему в холодный день, когда почти нет ветра, нечто, превращаясь в лед, вырабатывает что-то вроде дыма, огня, писал заметки о соединении снега

со льдом под названием «снёд», настолько прочном, что из него можно строить здания, о перисто-мозаичных формах, приобретаемых льдом, образующимся на строго определенных поверхностях, о том, что действительно нет двух одинаковых снежных кристаллов, о различии между хлопьями и кристаллами и общественной природе снежинки – тоже довольно политизированная тема для статьи, – а также о том, что хлопья, падающие с неба, образуют собственный природный алфавит, всякий раз создавая собственную уникальную грамматику.

Шарлотта вырвала страницы из «снежного» блокнота и выбросила их в окно.

Он выглянул и посмотрел на то, что осталось от них на верхушках деревьев и кустах, на ветровых стеклах и крышах машин, припаркованных внизу, и на клочки, разбросанные по тротуару.

– Ты пишешь о природе? – сказала она. – Не смей меня. Нельзя просто высасывать из пальца истории о блужданиях по полю или вдоль канала, вывешивать их в интернете и утверждать, что пишешь о природе. Ты всего-навсего растение-паразит. В этом твоя единственная связь с природой: паразитируешь на людях и получаешь за это зарплату. Даже не пытайся выдавать себя людям или, вернее, себе самому за кого-то другого, ведь ты всего лишь привязчивое стыдное растение-паразит!

Они погрызлись, когда она застучала, как он чистил ногти о края страниц ее книги, и попросила этого не делать, после чего, задетый ее критикой, он начал критиковать ее за бесконечное нытье о международном положении.

– Они сделали свой выбор, – сказал он, когда она снова пожаловалась, что людям из ЕС приходится выжидать, позволят ли им остаться в стране или нет, как и людям, вступившим в брак с людьми из ЕС, или людям, чьи дети родились здесь и которым, возможно, нельзя будет остаться и т. д. – Они сами захотели приехать и жить здесь. Они пошли на этот риск. Мы в этом не виноваты.

– Выбор, – сказала она.

– Да, – сказал он.

– Помнишь, как мы говорили о людях, которые утонули, убегая от войны и пытаясь переплыть море, а ты сказал, что мы не должны чувствовать вину,

потому что это был их выбор – бежать из своих сожженных и разбомбленных домов и опять-таки их выбор – сесть в лодку, которая затем перевернулась? – сказала она.

Вот такое она постоянно говорит.

– У нас все нормально, – сказал он. – Не волнуйся. Денег хватает, у обоих хорошая гарантированная работа. У нас все хорошо.

– В твоём автоматическом возврате к эгоизму нет ничего хорошего, – сказала она.

Потом она раскричалась о последствиях сорокалетнего политического эгоизма. Как будто можно со знанием дела говорить о сорокалетней политике, когда ты прожила на свете всего двадцать девять лет! Это смехотворно. Нет, на самом деле это какая-то форма мазохизма: достаточно вспомнить, что Шарлотта постоянно рассказывает о повторяющемся сне, в котором она зигзагообразно разрезает себе грудину ножницами для разделки курицы, для распиливания костей, а затем делит ее на четыре части, словно курицу на суп.

– Во сне я четвертованное королевство, – привыкла она говорить, желая привлечь внимание. – Во сне я воплощаю в себе кошмарное разделение нашей страны.

Во сне она права.

– Люди у нас в стране бешено озлоблены друг на друга после последнего референдума, – сказала она, – а правительство, которое мы имеем, не делает ничего для того, чтобы успокоить гнев людей, и, наоборот, использует его в собственных политических целях. Это шикарный старый фашистский трюк каких поискать и очень опасная игра. И то, что происходит в Штатах, напрямую с этим связано, причем, вероятно, финансово.

Арт громко рассмеялся. Шарлотта взбесилась.

– Это пугает, – сказала она.

– Ничего подобного, – сказал он.

– Ты обманываешь самого себя, – сказала она.

– Мировой порядок изменился, – сказала Шарлотта, – и по-настоящему новое как здесь, так и там состоит в том, что люди у власти думают только о себе, не имея никакого представления об истории и не чувствуя никакой ответственности за нее.

– И в этом тоже нет ничего нового, – сказал он.

– Они как будто существа нового типа, – сказала она, – существа, порожденные не реальным историческим временем и людьми, а... а...

Он смотрел, как она, сидя на краю кровати и положив одну руку на ключицу, а другой размахивая в воздухе, пыталась подыскать сравнение...

– А чем? – спросил он.

– Пластиковыми пакетами, – сказала она.

– Что-что? – переспросил он.

– Они настолько же антиисторичны, – сказала она. – Насколько же бесчеловечны. Насколько же безмозглы и несведущи в том, как люди столетиями вели дела до того, как изобрели их. Насколько же вредны для окружающей среды многие годы спустя, после того как они выйдут из употребления. Вредные для целых поколений.

– Так. Было. Всегда, – сказал он.

Затем, после паузы, он сказал:

– Вот.

– Как ты можешь быть таким наивным? – сказала она.

– Ты называешь наивным меня после этого свехупрощенческого антикапиталистического сравнения? – сказал он.

– Когда политику заменяет заранее спланированный театр, – сказала она, – а нас загоняют в шоковый режим, приучая ждать каждого последующего шока, который подается круглосуточной лентой новостей, как будто мы грудные младенцы, живущие между титькой и подушкой...

– Изредка пососать титьку было бы неплохо, – сказал он.

(Она это проигнорировала.)

– ...от одного шока до другого и от одного хаоса до другого, как будто это кормление, – сказала она. – Но это не кормление. Это полная противоположность кормлению. Это липовая материнская забота. Липовая отцовская забота.

– Но зачем гнать нас от одного шока к другому? – сказал он. – В чем смысл?

– В отвлечении внимания, – сказала она.

– От чего? – сказал он.

– Чтобы дестабилизировать фондовые рынки, – сказала она. – Чтобы скакали курсы валют.

– Теория заговора устарела еще в прошлом году, – сказал он. – Или в позапрошлом. Или в позапозапрошлом. Plus ?a change[15 - Ничто не ново под луною (фр.).].

– Change[16 - Перемена (фр.).] уж точно происходит, – сказала она, произнеся это слово по-французски, как и он. – Не говоря уж о буквальном изменении климата, происходит полный сдвиг времен года. Мы как будто все время идем в снегопад, пытаюсь докопаться до того, что в действительности происходит за всем этим шумом и шумихой.

– О временах года я готов болтать круглые сутки, но у меня работа, – сказал он.

Он открыл ноутбук и начал просматривать сайты, на которых еще могли остаться твердые дезодоранты определенной марки. Тот, которым он пользовался много лет, недавно был снят с производства. Она прошла через всю комнату и ударила по экрану ноутбука тыльной стороной ладони. Шарлотта ревновала его к ноутбуку.

– Мне нужно написать в блог о солнцестоянии, – сказал он.

– Солнцестояние, – сказала она. – Ты сам это сказал. Самые темные дни в истории. Никогда такого не было.

– Нет, было, – сказал он. – Солнцестояния цикличны и случаются каждый год.

Почему-то именно от этого Шарлотта взорвалась. Возможно, она всегда ненавидела его блог. В пылу спора она называла его никому не нужным реакционным аполитичным блогом.

– Ты хоть раз упоминал об угрозе для мировых природных запасов? – сказала она. – О войнах за водные ресурсы? О шельфе размером с Уэльс, который скоро отколетя от Антарктики?

– О чем? – переспросил он.

– О пластике в воде? – продолжала она. – О пластике в организмах морских птиц? О пластике во внутренностях почти всех рыб и водяных животных? В мире вообще осталась неиспорченная вода?

При этом она подняла руки на голову и обхватила ими голову.

– Ну, просто я не политик, – сказал он. – То, чем я занимаюсь, по природе своей аполитично. Политика – вещь эфемерная. А то, чем я занимаюсь, – полная противоположность эфемерности. Я наблюдаю за поступательным движением времени в полях, внимательно присматриваюсь к строению изгородей. Изгороди – это ведь изгороди. Просто они аполитичны.

Она рассмеялась ему в лицо и заорала, что изгороди на самом деле очень даже политичны. Потом ее охватила бешеная ярость, и несколько раз у нее вырвалось

слово «нарцисс».

– «Арт на природе» – как бы не так! – сказала она.

В эту минуту он вышел из комнаты, а затем из квартиры.

Он немного постоял в коридоре.

Она не вышла за ним.

Поэтому он спустился на первый этаж, чтобы спасти остатки своих «снежных» записей.

Вернувшись и войдя в квартиру, он обнаружил, что дверь шкафа в прихожей открыта, а все его содержимое рассыпано по полу и Шарлотта выбирает сверло из набора внутри распаханного футляра для дрели. Его ноутбук был зажат вверх тормашками между двумя стульями. Она подняла дрель и нажала на пусковой рычаг. Дрель загудела и зажужжала в воздухе.

Закадровый смех из комедийного шоу.

– Какого хрена ты творишь? – заорал Арт сквозь жужжание. – Тебя же сейчас током убьет!

Она подняла над собой широкую плоскую черную штуковину.

– Умерла, – сказала она. – Как и твоя политическая душа.

Шарлотта швырнула ее в него, закрутив, точно фрисби.

«Это была батарея от ноутбука? Ух ты, какие потрясные батареи в новых ноутах», – мимоходом подумал он, пригнувшись.

Батарея грохнулась об экран телевизора, и Арту еще повезло, что она не попала в него: судя по внешнему виду, под определенным углом эта штуковина могла и голову снести.

(В эту минуту он начал подозревать, что Шарлотта, возможно, нашла черновики имейлов, которые он писал Эмили Брэй, предлагая встретиться в среду вечером между четырьмя и шестью. Он соскучился по сексу с Эмили и набросал письмо, в котором спрашивал, не соскучилась ли и она по сексу с ним и нельзя ли как-нибудь это устроить.

Письмо он так и не отправил.

Он даже сомневался, что вообще когда-нибудь его отправит.

Он напишет Эмили новое сообщение. Когда купит новый ноут.)

Политическая.

Душа.

Слово «политика» он уже пробовал. Она умерла.

Душа у

Выскакивает слово «умирает».

Что ж, значит, есть надежда. Еще не умерла.

Ноутбук у

Выскакивает «умер».

Его ноут однозначно умер, экран превратился в мозаику из сумасшедших плиток, Шарлотта ушла и забрала свои чемоданы. Поэтому Арт сидит здесь за общественным «пи-си»: от его клавиатуры пальцы кажутся деревянными, как тело во время занятий любовью, о которых не хочется вспоминать, да к тому же он не может найти клавишу @.

Арт подумывает, не написать ли все-таки Эмили Брэй и не пригласить ли ее к матери на Рождество, ведь после того, как он поднял такой хай, грозясь

привести Шарлотту, будет досадно и неловко, если он придет один.

Но они с Эмили не разговаривали почти три года.

После Шарлотты.

Он достает телефон и пролистывает контакты. Нет. Не-а. Нет.

Потом смеется над возмутительностью, над идиотизмом собственной затеи.

Он перечитывает старую эсэмэску Айрис.

Мы во власти...

Нет.

Брось.

Он переживает это. А потом, да, потом напишет, как это пережил. Он напишет блестящий материал для «Арта на природе» о том, как выжить в этом лживом мире, и не просто выжить, а пробиться к истине сквозь едкие луковые кольца обмана (о, неплохо, запиши это, Арт), включая ложь, рассказанную о тебе самыми близкими и дорогими людьми, и ложь, которую ты рассказываешь себе о себе же самом и других, сам того не ведая. Он пробьется сквозь лживое повествование при помощи острого как бритва стиля. Он будет испепеляющим. Он будет честным. Он будет говорить о том, чего у тебя не отнять. Арт назовет его «Правды не утаишь».

Эта фраза снова напоминает ему о Шарлотте.

У него сжимается сердце.

Телефон в руке начинает гудеть и жужжать.

Может, это Шарлотта!

Нет, незнакомый номер.

Он его сбрасывает.

Потом ему звонят с другого незнакомого номера. Потом с третьего.

Он проверяет твиттер.

Ну конечно, она запостила новый твит. Первым делом он замечает ссылку, а над ней:

Просто сообщаю вам всем что беру 10 фунтов за разводку или 5 фунтов по спецтарифу для подписчиков.

Он щелкает по ссылке и попадает на страницу со своим фото, на котором он поднимает бокал вина во время их отпуска в Таиланде в прошлом году. Внизу стоит номер.

Это номер его телефона.

О боже.

Он отключает телефон.

Арт оглядывается вокруг: не смотрит ли кто-нибудь на него. Некоторые люди, стоящие в очереди к компьютерам, действительно смотрят на него, но лишь потому, что он отвернулся от экрана и они надеются, что он собирается уходить.

Но его мир потерпел полный крах!

Арт прижимает ладонь к затылку. Его бросает в пот.

Разводка – это что-то связанное с сексом?

Что делают люди, когда они кого-то «разводят»?

Он ищет в интернете. Определения тут же появляются на экране общественного компьютера – значит, ничего слишком уж похабного.

Кажется, это имеет отношение к солдатам Второй мировой.

Ладно.

Он кладет свой отключенный телефон в карман, отодвигает стул и направляется в мужской туалет.

В туалете он садится за единственной запирающейся дверью и пялится в пол. Но здесь ужасно воняет и не на что смотреть. Если это уединение, то результат нулевой.

Он встает и отпирает дверь.

Выйдя из кабинки, видит женщину в мужском туалете. Довольная молодая, двадцать с чем-то, возможно, из Южной Америки, темноволосая, возможно, испанка или итальянка. Она греет грудь, точнее, обнаженную верхнюю часть груди, теплым воздухом из сушилки для рук, повернув насадку к себе. На ней довольно низкий для декабря топик. Она показывает на него и сушилку.

– Холод. Тепло. Простите меня, – говорит она, перекрикивая шум. – Тому, что в женском, капец.

– Я вас прощаю, – говорит он.

Она улыбается и снова нагибается к потоку воздуха, и когда Арт выходит из туалета, ему становится немного лучше только потому, что он увидел другого человека, просто обменялся фразами с другим человеком, увидел, как кто-то делает что-то красивое, естественное, теплое и согревающее.

Просто сказал вслух слово «прощаю». Он и не знал, что это такое мощное слово. Он улыбается. Люди, проходящие мимо по лестнице, смотрят на него как на ненормального, потому что он улыбается. Никто из них не улыбается в ответ. Ему плевать. Пересекая лестничную площадку перед «Хранилищем идей», он жалеет, что не додумался пригласить ее, эту теплогрудую улыбающуюся

девушку, к своей матери на Рождество.

Ха-ха. Прикинь!

Но на стуле, который прежде занимал Арт, теперь сидит мужчина с лицом, изрытым морщинами, и стучит по клавиатуре, а женщина с тремя очень маленькими детьми, висящими у нее на руках и ногах, аккуратно складывает пальто Арта сверху на ноутбуке и портфеле, лежащих на полу за кабинкой.

Все ясно. Арт кивает женщине, которая кажется ему в ослепительном и нелицеприятном свете «Хранилища идей» устале всех тех, кого он видел в своей жизни.

– Спасибо, – говорит он.

Он благодарит ее за то, что сложила пальто. Но она смотрит сквозь него, возможно опасаясь сарказма, ведь ее спутник занял его место. Такое чувство, что она даже собирается отругать Арта или устроить скандал, поэтому он подбирает свои вещи, идет к дверям и останавливается у главной стойки, где просит у женщины шариковую ручку на веревочке и пишет на тыльной стороне ладони слова «ослепительный» и «нелицеприятный».

Ничего не потеряно. Ничего не растрчено. Видишь, Арт?

Всегда наполовину полон.

Наполовину пол он. (Голос Шарлотты в ушах.)

Арт выходит из здания через боковую дверь: старый парадный вход в библиотеку предназначен для людей, живущих сейчас в роскошных квартирах в другой части здания. Но Арт не может сердиться из-за этого: сердиться из-за того, чего не можешь изменить, – пустая трата драгоценной энергии, этим-то постоянно и занимается Шарлотта. Думать о Шарлотте – тоже пустая трата драгоценной энергии, и, чтобы избавиться от этого и от Шарлотты, он сейчас выйдет на улицу этого города и найдет, все равно где, горстку земли,

(умирает

умножить на двадцать четыре

умаялся

умучился

умер)

чтобы торжественно подержать в руке почву, и больше ничего, горстку, дышащую со своей собственной скоростью, медленно, медитативно и оставаясь полностью собой, вопреки всей этой злости и гниению, самой землей, напоминая ему, как она твердеет и замерзает, когда падает температура, и как снова оттаивает и размягчается, когда та поднимается. Вот что такое зима: упражнение для запоминания того, как успокоиться, а потом снова мягко вернуться к жизни. Упражнение в приспособлении к любому замерзшему или расплавленному состоянию, в которое она тебя приводит. Поэтому нежный Арт поищет землю в буквальном смысле. Городскую землю. Он поищет в тех местах, где городские деревья встречаются с тротуаром: порой вокруг них остаются клочки земли, если только их не замуровывают под теми упругими пластмассовыми штуками. Природа ко всему приспосабливается. Природа все время меняется.

Выйдя на главную улицу, он видит девушку. Это та самая девушка, которую он видел из окна почти три часа назад. Она все еще на автобусной остановке. Сидит на том же месте и по-прежнему что-то читает. Что бы это ни было, читает она очень усидчиво.

Арт смотрит, как автобус подъезжает и останавливается, подбирает каких-то людей, а затем включает сигнал закрытия дверей и едет дальше.

Арт смотрит, как другой автобус включает сигнал, останавливается, а потом снова отъезжает. Тем временем она по-прежнему сидит и читает.

Она выглядит лет на девятнадцать. Довольно симпатичная, но бледная. Вид помятый. Но самое важное – она сосредоточена.

Никто так не концентрируется, когда просто сидит на автобусной остановке.

Арт забывает о земле.

Он переходит дорогу и становится напротив крытой остановки. Отсюда ему видно, что она читает. Это меню «на вынос», рекламная листовка какого-то фастфуда. Арт подходит ближе, пока не различает слова БЕСПЛАТНО, ДОСТАВКА, АССОРТИМЕНТ и ВЕДЕРКО.

Она читает меню «Чикен Коттедж».

Она читает первую страницу буклета. Раскрывает буклет. Читает с одной, потом с другой стороны. Закрывает буклет и читает последнюю страницу так внимательно, как будто это интересная книга.

Дочитав последнюю страницу, переворачивает буклет и снова читает первую.

Утро сочельника. Прошло три дня.

Прошло двадцать минут после назначенного времени встречи.

Девушки нет.

Нет ни одной похожей на нее девушки или женщины, ожидающей где-либо поблизости от того места, которое он предложил: возле рядов сидений перед информационными табло.

Значит, она не явилась.

Стало быть, она не придет.

Хорошо. Уже легче.

Это была очень-преочень дурацкая затея, и он уже пожалел о ней.

К тому же он сэкономит 1000 фунтов – деньги, которые он совсем не хотел тратить на эксперимент.

Он как-нибудь это переживет, когда придет к матери. Или придумает что-нибудь, например: «Бедная Шарлотта, она так сильно заболела. Никогда не видел ее такой больной». [Тогда почему ты ее оставил, как ты мог?] «Да нет, она у матери, поехала к матери на Рождество». Или еще лучше: «Ее мать специально приехала в Лондон ухаживать за ней, чтобы я мог встретить Рождество вместе с тобой».

Он покупает себе кофе, а затем обводит взглядом людей, ожидающих на сиденьях и вокруг. Пару раз обходит по кругу и проверяет на всякий случай.

Вообще-то он даже не запомнил, как она выглядела: они общались друг с другом ровно столько, сколько нужно, чтобы съесть сэндвич.

Он не может ей позвонить, поскольку она сказала, у нее нет телефона.

Наверное, все же неудачная мысль – кадрить девушку, у которой даже нет телефона.

Он погружается в себя.

Он больше не чувствует себя так же, как если ведешь себя иначе, поскольку знаешь, что на тебя смотрят со стороны.

Но затем он видит вдалеке – без всяких сомнений – ту самую девушку, и его поражает, как бы она могла быть кем-нибудь другим.

Она появляется и исчезает – неподвижная точка в бурлящей толпе на перроне «Хитроу-экспресса», посреди багажа, рулонов оберточной бумаги и пластиковых пакетов: она стоит, глядя вверх на вокзальный потолок, пока люди снуют вокруг нее по перрону.

Арт быстро становится в очередь к билетному автомату, чтобы не показаться невежливым, сделав это при ней. После покупки билета остается не так уж много времени. Арт идет к назначенному месту встречи – рядом сидений. Но ее нет и близко.

Он снова смотрит поверх голов. Она там – по-прежнему на перроне.

Когда он идет забрать ее (ведь до отправления поезда осталось меньше пятнадцати минут), он понимает, куда она с таким интересом смотрит: это какой-то старинный металлический узор на вокзальных окнах.

Он останавливается в конце перрона. Перебрасывает чашку кофе из одной руки в другую. Она по-прежнему не видит его.

Он проталкивается по перрону сквозь идущую навстречу толпу.

– О, привет, – говорит она.

– Сегодня что, День поездок налегке? – спрашивает он. – Если это так, кажется, здесь на вокзале больше никого об этом не известили. Где ваш багаж?

– Я... э... не знал, брать ли вам кофе, – говорит он. – Не знал, как вы это воспримете.

– У вас есть место, – говорит он уже в поезде. – Я люблю стоять. Я могу сесть на полу, ничего страшного. Я сяду на полу.

– А, я работаю в «СА4А Энтс», – говорит он. – Это развлекательный отдел «СА4А». «СА4А». Знаете «СА4А»? Не могу поверить, что вы не слышали. Они гиганты – они повсюду. Я консолидатор по авторским правам. То есть я проверяю все виды медиа, онлайн и офлайн, фильмы, визуалку, печатную продукцию, саундтреки – практически всё – на предмет нарушения авторских прав, любого незаконного, без упоминания имени автора цитирования или использования и докладываю в «СА4А Энтс», если нахожу что-то не то или без упоминания имени автора, чтобы они могли потребовать справедливое вознаграждение или подать в суд. А если они все-таки упомянули «СА4А», я проверяю, чтобы всё было хоккей. Что? Нет, я работаю на дому. А. Ха-ха. Нет, всё хоккей означает, типа, скреплено подписью, юридически чисто. Скучать не приходится, к тому же я сам себе начальник. Рабочее время выбираю сам – хоть посреди ночи, если захочу, всё на моих собственных условиях, потому я, собственно, этим и занимаюсь. Еще это означает, что я кучу всего смотрю – всякую всячину, которой иначе не увидел бы никогда в жизни.

– Арахис? – говорит он. – То есть это означает, что вы должны носить специальную гигиеническую одежду или, если едете на поезде, всех извещать, чтобы люди с аллергией на орехи знали и не садились рядом с вами? Ах, это. Все это очень плохо для планеты. Мне совсем не нравится. Из принципа. В смысле быть тем, кто действительно заботится о нашей планете. Ну ладно, раз уж вы так говорите.

– Простите, что спрашиваю, – говорит он. – Сколько вам лет?

– И снова простите, – говорит он, – каюсь в своей старомодности, но весь этот... пирсинг? В смысле я все понимаю, но зачем так много?

– Просто я должен объяснить, что моя мать – женщина с характером, – говорит он. – Она ужасно чистоплотна, можно даже сказать, помешана на чистоте. Она немного старше, чем вы, возможно, ожидаете: она довольно поздно меня родила, и она из тех людей, что оставляют обувь за дверью. Всё чистенькое и опрятное, все чистенькие и опрятные, ну я хочу сказать, что сам тоже люблю чистоту и порядок, но ее можно назвать максималисткой.

– А зачем мне багаж? – говорит она.

– Я бы совершенно не возражала, – говорит она. – С чего мне обижаться, если бы вы купили мне кофе? А, понимаю! Ха-ха! Я люблю голяком. Вы что, покраснели? Ладно, на будущее – я люблю чистым, без всего. Сейчас мне все равно не хочется, но спасибо.

– Но вы же платите, – говорит она. – Нет, вы меня наняли, и это я буду сидеть на полу. Нет, я не возражаю. Не возражаю! Правда. Слушайте, мы можем оба... может, сядем вдвоем? Местечко возле тех сумок в проходе. Пошли? А?

– Кто это? – говорит она. – Что-что? Вы хоккеист? А, всё хоккей. Ха-ха!

– Я работаю в «Текстурированных волокнах», – говорит она. – Полдня насыпаю в упаковки арахис, а вторую половину подбираю арахис, упавший на пол, и кладу его обратно в миски. Простоять двенадцать часов за прилавком в торговом центре и никому не продать ни кусочка мыла – такой облом. Нет-нет, не

настоящие орехи, а упаковочный наполнитель, так называется упаковочный наполнитель – «арахис», в общем, мы его так называем. Эти зеленые штуки, белые штуки – полистирол. Вы ошибаетесь, его перерабатывают. И там нет ничего вредного. Это совсем не так вредно, как вы думаете. Мне даже нравится. Да! Нет, это интересно, потому что... потому что они такие легкие-прелегие, и когда их подбираешь, всякий раз удивляешься. Всегда ждешь, что они тяжелее. Даже если говоришь себе, хоть и знаешь, что они легкие, и кажется, заранее знаешь, но когда поднимаешь – сразу такая, ух ты, какие легкие, как будто взяла в руку самую легкость. Это типа как если твоя рука вдруг стала легче. Легкая, как птичьи косточки. Когда набираешь целую пригоршню, смотришь на свою руку и не веришь собственным глазам, ведь хотя ты и видишь, что у тебя полная ладонь чего-то, такое чувство, что там ничего нет.

– Надо же, а вы и правда старомодный, – говорит она. – Мне двадцать один. Вставила все по такому особому случаю. Разве у вас нет других знакомых с пирсингом? Ладно, не волнуйтесь. Выну все, как только доберемся.

– И кстати, – говорит она, – расскажите немного о той, за кого я должна себя выдавать. Как ее зовут?

Арт понимает, что за целых полтора часа ни разу о ней не вспомнил.

Шарлотта.

– Ее зовут Шарлотта, – говорит он.

Он усмехается про себя.

– Что смешного? – спрашивает девушка.

– Смешно это говорить, так и не узнав вашего имени, – говорит он. – И вы тоже не знаете моего.

– Может, имена и не нужны, – говорит она. – В любом случае я теперь Шарлотта.

– Ладно, – говорит он. – Но, если честно, меня зовут Арт.

– Что, правда? – говорит она. – Арт?

– Ну, сокращенно от Артур, – говорит он. – В честь... ну знаете, короля.

– Что за король, простите? – говорит она.

– Ну вы же не по правде, – говорит он.

– Да? – говорит она.

– Вы же знаете, кто такой король Артур, – говорит он.

– Да? – говорит она. – Если честно, меня зовут Люкс.

– Как-как? – говорит он.

– Эль-ю-ка-эс, – говорит она.

– Люкс, – говорит он. – Правда?

– Сокращенно от Велюкс, – говорит она. – В честь... ну вы знаете, окон.

– Вы выдумываете, – говорит он.

– Да? – говорит она. – Проехали. Помогите мне придумать Шарлотту. Мне нужен урок по Шарлотте.

Он говорит, что его мать никогда не видела Шарлотту. Так что Шарлотта вообще-то может быть кем угодно.

– Даже мной, – говорит она.

– Я не это имел в виду, – говорит он.

Он краснеет, и она это видит.

– Ваша Шарлотта обидчивая? – говорит она. – Слегка ранимая?

– Сущее наказание.

– Тогда зачем вам вообще захотелось привозить ее домой? – говорит она. – Почему просто не сказать родным правду о том, что она сущее указание...

– Наказание, – говорит он.

– ...и что вы не хотите привозить ее и поэтому просто решили этого не делать? – говорит она.

– Если вам не нравится эта работа... э... Люкс, – говорит он (сделав паузу перед ее именем, поскольку мысленно спрашивает себя, настоящее ли это имя, или она просто сказала первое, что пришло на ум). – В смысле, я не буду настаивать, если вы передумали. Через четверть часа будет остановка, и я с радостью оплачу вам обратный билет до Лондона. Если в нашей договоренности вас что-то не устраивает.

Она тут же впадает в панику.

– Нет-нет-нет, – говорит она. – У нас ведь уговор. Тысяча фунтов за три полных дня. Что, кстати, равняется – я подсчитала – почти четырнадцать фунтам в час, а если во вторник, когда мы с этим покончим, вы приплатите всего-навсего восемь фунтов, каких-то несчастных восемь фунтов 27-го числа, в смысле если вы заплатите мне в конце тысячу восемь фунтов, то получится ровно четырнадцать фунтов в час. Что гораздо круче прежней почасовой оплаты.

Он молчит.

– Хотя меня вполне устраивает и ваше первоначальное предложение – тысяча фунтов, – говорит она.

– Мне немного совестно, – говорит он. – Я отвлекаю вас... увожу вас... от вашей семьи на Рождество.

Она смеется, как будто он сказал что-то очень смешное.

– Моя семья уехала из страны, – говорит она. – Не переживайте. Представьте себе, что я... не знаю, что я работаю в гостиничном бизнесе. И, значит, после этого Рождества у меня будет еще одно чудесное Рождество. Когда ваше Рождество закончится, у меня еще будет свое, и я отмечу его на то жалованье, которое вы заплатите мне за работу на Рождество.

– Деньги – странная вещь, – говорит он.

Она обворожительно улыбается.

– Заметано, – говорит она. – Всё по-чесноку. Ты – мне, я – тебе. Если ваша мать ни разу не видела Шарлотту, тогда вообще изи. В смысле, мне бы хоть пару наводок. Типа, ваша Шарлотта умная или тупая? Добрая или злая? Любит животных? Всё такое.

Ваша Шарлотта.

Шарлотта – умная.

Шарлотта – тупая.

Шарлотта – умная.

Он смотрит на девушку рядом с собой – незнакомку, произносящую имя Шарлотты.

Шарлотта – красивая. Красивее всех. Чувствительная и понятливая, как никто другой, кого он... Шарлотта вернулась, Шарлотта на кровати – со своей прекрасной обнаженной спиной, повернутой к нему линией позвоночника. Шарлотта – сногшибательная. Другие слова для Шарлотты? Музыкальная. Чуткая. Вечно подлавливает его из-за своей извращенной совести, умения улавливать подтекст того, о чем ты говоришь, и реагировать на то, о чем ты неумышленно проговорился, или на то, что ты пытался, но не сумел сказать. Абсолютное незнание себя самой. Ее до смешного искренняя университетская диссертация о словах песни Гилберта О’Салливана «Ooh Wakka Doo Wakka Day:

речь, семиотика и харизма в массовой эстраде 1970-х годов»[17 - Гилберт О'Салливан (р. 1946) – ирландский музыкант, автор-исполнитель и певец. Песня «Ooh – Wakka – Doo – Wakka – Day» была записана в 1972 г.]. Ее почерк. Ее духи. Обломки ее бус и браслетов. Ее топорщащаяся косметичка в тумбочке, запах ее косметики. Ее страстность, ее страсть ко всевозможным вещам. Ее личное отношение к миру. Ее бесконечные обиды и злость на несовершенства мира, как будто они задевают ее лично, адресованы лично ей, лично ее оскорбляют. Ее бесконечная эмпатия. Ее бесконечная эмпатия ко всему на свете. Ее бесконечная эмпатия ко всему, кроме него. Шарлотта – занудная. Шарлотта – бесящая. Шарлотта, выбешивающая тем, что всегда останавливается поговорить буквально с каждой кошкой, которую увидит на улице, на любой улице – здесь, там, в отпуске в Греции, повсюду, где бы ни увидела чертову кошку, она садится на корточки и протягивает руку, как будто Арта рядом нет, как будто кошка все равно не захочет с ним разговаривать, если бы даже он был рядом, как будто весь мир состоит только из нее и какой-то кошки, которой она даже не знает, как будто она единственный человек во всем мире, обладающий животным магнетизмом.

Шарлотта, нарочно забравшая с собой специальную отвертку, чтобы он не смог собрать свой ноут и выяснить, можно ли спасти хоть какую-то информацию, не выходя из дома и не покупая другую такую же отвертку.

Он откидывается на чей-то рюкзак за спиной.

– Как же описать Шарлотту, – говорит он.

Но ему уже не нужно ее описывать, потому что девушка, Люкс, заснула, опустив голову на руки, которые положила на чей-то чемодан.

Он тронут этим доверием. Ведь необходимо доверие, чтобы заснуть рядом с тем, кого совсем не знаешь.

Затем его трогает то, что он тронут.

Нарцисс. Она заснула, потому что ты ей неинтересен. (Голос Шарлотты в ушах.)

Он гадает, переспит ли с ней в конце концов...

нарци...

...она худая и гибкая. Ее тело выглядит моложе, чем она говорит. Ее голова слегка великовата. Ее запястья худые, как у ребенка, которым она была еще совсем недавно, лодыжки над ботинками голые: их неудобство волнует и даже тревожит. Но ее лицо, отливающее металлом, ожесточенное, наводит на мысль, что она гораздо старше. Одежда чистая, но поношенная. Волосы чистые, но тусклые. Во сне она выглядит изможденной. Кажется, будто она слишком долго недоедала. Кажется, будто сон ударил ее кулаком в живот и сбросил в этот проход вагона с огромной высоты.

Тогда он спросил ее, почему она сидит на холоде, а не в теплой библиотеке через дорогу. Она ответила, что они разошлись во мнениях с женщиной за стойкой «Хранилища идей». «По какому вопросу?» – спросил он. «Это строго между нами», – ответила она. На автобусной остановке он предложил ей купить что-нибудь из меню «Чикен Коттедж». «Чтобы реальность разрушила мои идеальные фантазии?» – сказала она.

Он думает, идет ли ему эта водолазка.

Он бы проверил, как выглядит, на телефоне, если бы не пришлось его включать.

Нарцисс.

Он качает головой. Сам не ведает, что творит. Девушка, похожая на подбитую птицу.

«Сейнт-Эрт!» – скажет она через пару часов, когда они приедут на станцию и она увидит таблички. «Неправильно написали!» – скажет она.

А потом: «Когда мы пойдем посмотреть на стену?»

«Какую стену?» – скажет он.

«Из зерна», – скажет она.

А потом: «Тут все похоже на старые открытки – скажет она, когда поезд потащится вдоль побережья. – Как на выцветших открытках из прошлого. Там замок? Это реальное место? Вы где-то здесь выросли?» – «Нет, – скажет он, – я вырос в Лондоне, но моя мать купила здесь дом пару лет назад, я его даже не видел, но мамина сестра, кажется, жила здесь и, возможно, присылала мне книги или что-то еще, когда я был ребенком, потому что я знаю много фольклорных преданий о ландшафтах, состоящих из спящих великанов, и тому подобном, и я знаю, что здесь говорят на своем древнем языке, который, видимо, никогда не вымрет, поскольку всегда возрождается, даже если кажется, что он исчезает, и его не убьет ничего на свете. Знаете, такой характерный местный говор. Идиолект».

«Как вы меня только что называли?» – скажет девушка.

Потом она удивленно поднимет брови, подловив его на том, что он ее недооценивает, у него изо рта вырвется смех, и когда они приедут на станцию, Арт неожиданно рассмеется над собственными предрассудками.

На доске объявлений говорится, что автобусное сообщение отменено на неопределенный срок.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

Разве я должен (нем.). Цитата из песни Э. Пресли «Деревянное сердце» из кинофильма «Солдатский блюз» (1960). – Здесь и далее прим. перев.

2

«Цимбелин». Пер. Н. Мелковой.

3

Барбара Хепуорт (1903–1975) – английский скульптор-абстракционист.

4

Мюриэл Сара Спарк (1918–2006) – шотландская писательница, поэтесса и эссеист.

5

«Девочка в опавшей листве, Люксембургский сад, Париж, 1946 г.» (фр.). Эдуар Буба (1923–1999). См. А. Смит, «Осень».

6

Музей Виктории и Альберта в Лондоне – крупнейший в мире музей декоративно-прикладного искусства и дизайна, основанный в 1852 г.

7

«Триумф Мотор Компани» – английская автомобилестроительная компания, основанная в 1885 и обанкротившаяся в 1984 г.

8

«Арчеры» – самая продолжительная в мире многосерийная радиопостановка «о жизни в сельской местности», выходящая на канале Би-би-си «Радио 4» с 1950 г.

9

«Where Have All the Flowers Gone» – антивоенная песня в стиле фолк (1961), которую, в частности, пела в немецком переводе Марлен Дитрих.

10

«Ничье дитя» – песня, написанная Си Кобеном и Мелом Фори (1949) и исполнявшаяся, в частности, «Битлз» (1964).

11

Лук. 2:14.

12

Цитаты из различных рождественских гимнов.

13

Цитата из одной из самых известных американских рождественских песен «Jingle Bells», написанной Дж. Л. Пьерпонтом (1858).

14

После проведения референдума 2016 г. и избрания Д. Трампа президентом США английское слово «снежинка» стало политическим оскорблением, которое используется «правыми» по отношению к «левым» и служит уничижительным обозначением беззащитных и обидчивых «либералов». Приблизительный русский аналог – «хомячок».

15

Ничто не ново под луною (фр.).

16

Перемена (фр.).

17

Гилберт О'Салливан (р. 1946) – ирландский музыкант, автор-исполнитель и певец. Песня «Ooh – Wakka – Doo – Wakka – Day» была записана в 1972 г.

Купить: https://telnovel.com/smit_ali/zima

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)